

УДК 338
ББК 65.9(2)
О-53

Оформление *Б. Протопопова*

Олейник Б. И.

О-53 Горбачев. Анатомия предательства / Борис Олейник, Валентин Павлов, Николай Рыжков. — М. : Алгоритм, 2013. — 240 с. — (Вожди Советского Союза).

ISBN 978-5-4438-0537-5

Авторы этой книги хорошо знали Михаила Горбачева. Николай Иванович Рыжков был премьер-министром советского правительства. В первые годы перестройки он поддерживал Горбачева, затем выступил против него, считая, что тот ведет дело к развалу СССР. Валентин Сергеевич Павлов был последним премьер-министром СССР, в 1991 году входил в ГКЧП. Борис Ильич Олейник являлся заместителем председателя Палаты Национальностей Верховного Совета СССР, он лауреат Государственной премии СССР, действительный член Национальной академии наук Украины.

В книге, представленной вашему вниманию, показан весь путь предательства Михаила Горбачева: от одной горбачевской «кампании» до другой, от съезда к съезду, от первых указов Горбачева до последних. Кроме того, большое внимание уделяется событиям августовского путча 1991 года — по свидетельству В.С. Павлова, это был тщательно спланированный путч именно Михаила Горбачева, а члены ГКЧП оказались жертвами этого опытного политического интригана.

**УДК 338
ББК 65.9(2)**

© Олейник Б.И., 2013
© Рыжков Н.И., 2013
© Павлов В.С., 2013
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

ISBN 978-5-4438-0537-5

МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

...Был горячий, веселый день конца мая 1987-го.

Я стоял у входа в гостиницу «Россия». Поскольку спешил к поезду, внимание мое было приковано к стрелкам часов. Но все же боковым зрением я заметил какой-то игрушечный, ярко раскрашенный самолетик, который то появлялся почти над головой, то пропадал из виду. Раза два он как бы приноравливался сесть на мосту, что слева от гостиницы, и снова взмывал вверх.

Время от времени возле меня останавливались случайные прохожие, буднично спрашивали: не знаю ли, что это за самолет? Я так же буднично отвечал, что не ведаю, но, возможно, это какой-то рекламный полет. Так подумалось, ибо чего-то другого не мог предположить.

Наконец самолетик, сделав еще один круг, сел прямо... на Красной площади. Метров за 150 от меня. И за 50 — от Мавзолея. Из кабины выпорхнул юркий, худощавый юноша, кажется; в белом костюме или комбинезоне.

В этот миг и причалил коллега с «колесами». Он тоже заметил самолет и шутиливо спросил, что это, мол, за истребитель? Забрасываясь в кабину, я в тон ему повторил свою версию.

И только в поезде, на следующее утро, за несколько километров от Киева, слух уколола фраза из вагонного репродуктора. Я даже не разобрал слов, но, видимо, недремлющее подсознание автоматически отреагировало

на нечто, и вправду выходящее за весь предыдущий жизненный опыт.

Не успел я осознать услышанное, как вдруг вскочил сидевший напротив меня грузный, уже почтенных лет сосед по купе и растерянно выдохнул:

— Вы что-нибудь понимаете?!

— Да вот, не совсем уловил...

— Только что передали: какой-то немецкий самолет, не замеченный ПВО, сел... где бы вы думали? Возле Кремля, у самого Мавзолея!

Меня буквально подбросило:

— Господи, да я же видел, как он садился!!!

Возле нашего купе уже сгрудились пассажиры из всего вагона. Как сквозь вату, к моему сознанию пробивались сначала встревоженные, а потом и все более гневные голоса:

— Но это же черт знает что...

— Ну дожили...

— Такого позора я не переживу... Мы даже в сорок первом...

— Вот так-то, папаша. Вы в сорок первом отстояли Москву, а мы ее вчера сдали... — попытался съюморить бодрый парняга, но на него зашикали.

Словно сквозь туман, ступил на перрон. Странное чувство — не то безволия, не то безысходности — овладело мной. Я впервые почувствовал себя маленьким, слабым и незащищенным.

Уже на привокзальной площади, уловив какой-то гул, непроизвольно съежился и опасно посмотрел вверх: не заходят ли?.. Как в сорок первом, когда над нашей беженской валкой заходили в пике — с тем особенным, прерывисто волчьим воем — немецкие штурмовики. Но и тогда не было этого чувства тоскливой безысходности: нас защищали пусть и фанерные, но такие родные истребители. Они отчаянно вступали в бой со стервятниками, горе-

ли, но все же защищали. Защищали нашу надежду на избавление.

И даже в сентябре 41-го, когда в какой-то полувоенной автоколонне нас вместе с матерью взяли в плен фашисты, — даже тогда надежда на избавление не угасала.

Однако в тот день 87-го и надежда, которая умирает последней, угрожающе пошатнулась. Может, именно в то утро впервые поколебалась и моя беспредельно наивная вера в Вас, Михаил Сергеевич?

Но мне, принадлежащему к поколению, за каких-то три десятилетия пережившему крушения трех идолов и трех переписанных в угоду им «историй Отечества», чисто по-человечески не хотелось потерять веру в четвертого. Ибо, по законам предков, по всем писаниям и предписаниям человеку уготовано выдержать три искуса, а дальше уже грозит потеря точки отсчета и ориентиров.

Увы, человек только предполагает, а располагает... И то, в чем не хотелось, да — признаюсь — и ныне еще не хочется убеждаться, — с того, рустовского «налета» неотвратимо вело к осознанию непоправимого.

* * *

Тем временем демократия разворачивалась вовсю. Воочию начали проявляться и некоторые странности ее. Сначала думалось, что они объясняются то ли нашей юридической неграмотностью, то ли Вашей, Михаил Сергеевич, забывчивостью или, скорее, покладистостью перед нажимными действиями волевых натур из числа лидеров новой волны.

Я, к примеру, так до сих пор и не уразумел «Закона о выборах». Вроде бы в истоках его был заложен принцип однократности: проигравший в одном округе уже не имел права баллотироваться в любом другом. Да и избирателям в качестве кандидатов рекомендовалось ориен-

тироваться на людей, знакомых ими не понаслышке, работающих с ними, а не на варягов.

Изрядная путаница произошла и со средствами на избирательную кампанию. Вроде бы все взыскивающие должны иметь равные условия. Но на проверку оказалось, что это далеко не так. «Партократы», нередко используя свое служебное положение, по командно-административной привычке привлекали средства подчиненных им городов и весей.

Не лучше выглядели и их оппоненты из лагеря радикалов. По несколько раз проваливаясь в разных регионах, они устремлялись со своими командами в очередной округ и, используя непросвещенность избирателей, силовой прессинг вплоть до угроз, а то и прямые подкупы, пробивали своих.

К слову, эти командос щедро оплачивались и рублями, и неизвестно откуда взявшейся инвалютой.

В этом шабаше правового и морального нигилизма весьма странную позицию заняли Вы, Михаил Сергеевич. В очередной раз — сбоку, во всем своем величии демократа, «не замечая» Вами же осуждавшихся нарушений элементарных, общепринятых норм. «Дошло уже до того, товарищи...» — сокрушались Вы в очередной раз и... забывали.

Вы то забывали или делали вид, что запомнили. Но многие запоминали. Отдельные всплески недовольства Вашей уступчивостью медленно, но верно перерастали в ропот, на первых порах — глухой.

Вы как главный архитектор и А.Н. Яковлев как главный теоретик «перестройки» настолько запутали предвыборную кампанию, что в депутаты не мог попасть лишь тот, кто этого не очень хотел. Зато каждый из новой волны, поставивший своей целью занять мандат избранника, получил его.

Демократия демократией, но есть ведь общепринятые, элементарные морально этические критерии, по

которым определяются показания или противопоказания иметь статус народного избранника. Ибо есть и такие чисто личные качества, приобретенные или врожденные, которые в более или менее цивилизованном обществе являются непреодолимой преградой на пути к властным структурам.

Неужели Вам и Вашим многочисленным службам не был известен постнулевой моральный облик некоторых особей, остервенело рвавшихся на олимп? Тогда я еще сомневался. Ныне — уже не сомневаюсь: Вам все было известно...

Но вот состоялись выборы. Собрался I съезд народных депутатов СССР. Следовательно, представилась возможность в пределах кремлевского зала изучить весь срез нашего многонационального общества буквально за какие-то дни: мы ведь привыкли считать, что депутаты, как зеркало, отражают реальное состояние всех слоев и прослоек нашего народа.

Однако уже первые несколько дней резко поколебали этот стереотип. Ибо, если предположить, что состав новоизбранного депутатского корпуса отражал действительность, то в таком случае весьма заметная часть нашего общества страдает, мягко говоря... психической неуравновешенностью. Но сие даже и в горячечном бреду невозможно представить! Следовательно, депутатский состав ни в коей мере не отражал состояние общества на 1989 год, а коли уж и был зеркалом, то весьма искривленным.

Как-то после тяжелейшего, истеричного заседания Верховного Совета Анатолий Иванович Лукьянов, смахивая щедрый пот с чела, сокрушенно покачал головой и полусшепотом бросил: «Несчастные люди! Медики доверительно сообщили, что среди депутатов, как бы сказать помягче, многовато людей с неустойчивой нервной системой. Но что поделаешь?! Несчастные люди...»

Американцы, хорошо осведомленные по части нашего депутатского корпуса, беспечно похотывали: «Да бросьте вы сокрушаться! У нас подобных личностей не меньше, если не больше. Правда, с той существенной разницей, что в Америке они занимают свою определенную, нижнюю нишу. У вас же они почему-то оказались на верхних этажах».

Сначала и я склонился к этому расплывчатому «почему-то» и не менее пассивному «оказались». Но со временем все больше убеждался в том, что не все здесь случайно. Кому-то именно такой состав депутатского легиона был крайне необходим для далеко идущих целей.

* * *

Но это уже погода, и не я один пришел к подобному заключению. А тогда, да и гораздо позже, я еще наивно списывал вину на всех, кроме Вас. Ныне мне до боли стыдно за свои наивные возгласы: «Неужели нельзя было предположить?!» Скорее даже не стыдно, а обидно, что я так долго не верил своей интуиции.

Ибо... верил Вам. Верил, даже когда в так называемой «Воскресной моральной проповеди» на ЦТ в конце декабря 1989 года растерянно обвинял чуть ли не всех (и себя тоже!) в том, что «за последние десятилетия не раз менялись стратегические направления», что повсеместно «нарастают прагматизм, карьеризм, жестокость, раздраженность, жадность»... и когда в той же самой проповеди «размышлял» о самой вере: «В чем смысл этого феномена? Может, это — чувства? Но ведь чувства изменчивы. Может, это состояние души? Но и оно меняется под влиянием тех или иных чувств. Скорее это все-таки некая норма, принятая всеми: обществом, человеческой общностью в целом и лично каждым. Стремление определить нечто как святыню, которая не подлежит размыванию. Если вера завизирована совестью — она истинна».

Вот так говорилось и думалось. Если с позиций сегодняшних моих и общих познаний проанализировать эти слова, то можно заметить, как подсознательно сам себя и сограждан своих успокаивал, что моя вера в одну из тогдашних «святынь» истинна и непоколебима, однако...

Глубоко ошибаются те, кто в крайнем раздражении обвиняет Вас в предательстве всех без разбора. Да, Вы подставили несколько своих «команд» и самых, казалось бы, ближайших соратников. Но почему-то всякий раз сия горькая чаша обходила нескольких человек, неуязвимо переходивших из одной, заложенной вами, в очередную, намеченную к закланию, команду. Александр Яковлев, Вадим Бакатин, Евгений Примаков, Гавриил Попов, Георгий Арбатов, Анатолий Собчак, Юрий Афанасьев и еще несколько их собратьев помельче — эта связка оставалась нетронутой при всех микропереворотах и перетрясках «кадров».

Главная ошибка Ваших самых яростных изобличителей состояла в том, что они в благородном гневе не замечали «домашних заготовок» и принимали за чистую монету Ваши схватки на миру с упомянутыми выше непотопляемыми. Они (и я вместе с ними) даже не предполагали, что уколы, наносимые Вам теми же Яковлевым, Поповым, Собчаком или Афанасьевым, — всего лишь розыгрыш для профанов. И даже искренне защищали Вас от их наскоков.

Как-то А.Н. Яковлев, расслабившись после карнавального «путча», назвал своих и Ваших противников «шпаной».

Оставляю приоритет на сей понятийный аппарат за академиком. Но совершенно очевидно, что как раз Вам-то и нужны были «несчастные люди» на парламентском уровне, самая настоящая парламентская «чернь». Нет, не в том оскорбительном социальном понимании, не с тем презрительным ярлыком. «Чернь» в том духовно-нравст-

венном смысле, как писал об этом русский мудрец Иван Ильин в «Аксиомах власти»:

«Люди становятся чернью тогда, когда они берутся за государственное дело, движимые не политическим правосознанием, но частною корыстью... Чернь не знает общего интереса и не чувствует солидарности... Она совершенно лишена сознания государственного единства и воли к политическому единению...»

Но именно «чернь», как известно, ради своих выгод, своей корысти умело выискивает себе опекунов, добровольно принимает послушание перед ними, впрочем, если нужно, успешно маскируя его («чернь на выдумки хитра...»).

* * *

...Итак, собрался Съезд народных депутатов, впервые — как это назойливо подчеркивалось — «избранных демократически».

Интересное это было и глубоко поучительное действо! И зрелище.

Несколько дней я как писатель буквально утопал в роскоши познания, изучая лица, повадки, систему жестов, игру эмоций, амбиций, наигранных истерик, заранее подготовленных экспромтов, демонстрацию «смелости» мыслей, своеобразный викторианский речевой стиль, граничащий с полублатным арго; навязчивую пренебрежительность в одежде — вплоть до маек с визиткой «Мальборо»; раскованность в общении с президиумом и даже с Самим, переходящую в рискованную фамильярность: иные депутаты, переваливаясь через стол президиума — разрезом пиджака к залу, для равновесия игриво отбрасывали ногу.

Упаси бог, сие не касается большинства нормальных депутатов, которые опасливо посматривали на упомянутое выше агрессивное меньшинство. Эти (заимствую из

излюбленного блока радикалов — «эта страна»), так вот эти с первых минут работы съезда сразу же определились в ловко сбитую стайку. Чувствовалось, что они заранее прошли соответствующий тренинг: сразу же оккупировали трибуну и микрофоны и, пользуясь неопытностью большинства, «повели» съезд.

...Не знаю почему, но первым мое внимание привлек Анатолий Собчак. Броский, в элегантно сшитом костюме, выше среднего роста, без излишних «соцнакоплений», он чувствовал себя хозяином положения. Аттестованный как «известнейший юрист», он перманентно маячил у микрофонов, подправляя и регламент, и самого Председателя, не говоря уже о коллегах, по адресу которых отпускал колкие реплики.

Острый на слово, с хорошей реакцией, с иронической улыбкой, еле скрывающей пренебрежительное высокомерие к сирым, он поначалу многих буквально очаровал.

Мне всегда импонировала — и в друзьях, и в противниках — этакая раскованность и, простите, подкупающая нахрапистость, когда и знаешь, что человек врет в глаза, но настолько искренне, с такой веселой самоуверенностью, что вызывает... симпатию.

Думаю, не открою особых «творческих секретов», когда скажу, что в писательском арсенале заложены своеобразные «кассеты» со стереотипами определенных, хорошо изученных им типажей. И если в поле внимания оказывается новая, незаурядная личность, он подсознательно подыскивает из своего запасника схожий с «новобранцем» по психоантропным характеристикам тип, по которому, уже изученному, пытается предугадать или рассчитать, что можно ожидать и от новенького.

Наблюдая за Анатолием Собчаком, я все больше наткался в своем запаснике на известный образец, который с легкой руки моего гениального земляка триумфально шествует по всему миру.

Вот он в очередной раз, юрко обходя коллег, решительно продвигается к микрофону. Следует очередная филиппика — то ли по адресу выступившего перед ним, то ли по поводу президиума. Учинив эскападу, он так же уверенно возвращается на свое место, лукаво подмигивая себе: а ну, мол, как ты, дорогой коллега, будешь отмываться?

Анатолий Александрович абсолютно невозмутим, когда его, тут же, «на миру», уличают в передергивании фактов, неточностях, а то и в прямом вранье. Поохотав вдоволь, разведя руками — мол, что поделаешь, бывает, он с такой же невозмутимостью готовится к очередному броску на микрофон. Поражают его глаза на миловидном лице: трудно уловимые, поскольку смотрят... врозь.

Да, он отталкивает и одновременно чем-то привлекает, как и бессмертный Хлестаков. Но гоголевский герой симпатичен тем, что, отчаянно привирая, подсмеивается над властями предержажими. То есть его грешки искупаются грехами городничего и иже с ним, на которых Хлестаков честно играет.

Другое дело — Анатолий Александрович. В отличие от своего визави, он сам принадлежит к властям предержажим. Избранник и доверенное лицо народа. И если уж он «темнит», то объегоривает не власть, ибо сам — власть, а — простите за пафос — народ, избравший его. То есть сам народ оказывается в роли как бы его сообщника по обману... народа.

Какую опасность таят в себе подобные особи, свидетельствуют посттбилисские события. Ведь именно Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии, обвинил во всем армию, обелив боевиков Гамсахурдиа как белокрылых ангелов. Именно тогда господин Собчак открыл дорогу режиму, который принес грузинскому народу страдания и человеческие жертвы, многократно превышающие тбилисский инцидент.

Господин Горбачев! Как натура тонкая и хорошо читающая с листа характеры, Вы ведь отлично «прочитали» А. Собчака от запятой до титлы. Если уж не столь опытные заметили одну ярко выраженную особенность Анатолия Александровича — начинать посылкой, которую в конце того же абзаца дезавуировать, — то Вы ведь видели Собчака в самых глубинах сокровенного.

И вот незадача: видели и знали, но почему-то он всегда оставался неуязвимо при Вас, между тем как других Вы сдавали повзводно. А не потому ли, Михаил Сергеевич, что, подобно уже названным неприкасаемым, Анатолий Собчак как тип Вам и, как ни парадоксально, Борису Ельцину был нужен?

Однажды, в минуту откровения (истинного или деланного), Вы признались, как, прогуливаясь с имярек по своим «Воробьевым горам», поклялись разрушить «эту прогнившую систему». Но коль скоро Вы не просто дети авторитарного режима, а зодчие и ревностные охранители его, то уж досконально знали, что разрушить режим, не ликвидировав партию, весьма и весьма сложно. (Оговорюсь: Вы и Ваши сообщники всегда лукаво «путали» Политбюро, ЦК, областных и районных кадровых аппаратчиков с миллионами партийцев, которые имели единственное преимущество: вкалывать и «за того парня», да еще платить партналог, отрывая от своей скудной зарплаты на содержание всего этого таинственного ордена, возглавляемого магистром, сиречь Вами, Михаил Сергеевич.)

* * *

Но вернемся к главному.

Теперь-то Ваш давний замысел понятен: для разрушения, как и для созидания, Вам нужны были соответствующие кадры. И Вы их продвинули во все структуры общественного организма. Сделав, по своему обыкновению,

вид наивного неведения касательно того, что основные «кадры» были аттестованы далеко за пределами нашего бывшего многонационального отечества.

Но об этом мы, непосвященные, узнали лишь в 1991 году на так называемом «закрытом» заседании Верховного Совета, где документ под многократным грифом «секретно» о так называемых «агентах влияния» отважился через 14 лет обнародовать Крючков. (Никак не отважусь от мысли: а не эта ли информация подтолкнула влиятельных лиц ускорить переворот?)

Горе нам, профанам! Мы по своей наивности и не подозревали, что наша истая вера в перестройку эксплуатировалась для совершенно иной (а мы-то верили!) цели. Да и откуда нам, сырым, было знать, что «перестройка», казавшаяся отечественным и лично Вашим изобретением, была спланирована... не у нас?!

Думается, «массам» небезынтересно будет узнать непредвзятое мнение коллеги из американского журнала «Тайм» за 24 февраля 1992 г.

Карл Бернстайн, взяв интервью у 75 представителей рейгановской администрации и Ватикана, пришел к выводу, что еще 7 июня 1982 года в результате встречи между Рональдом Рейганом и папой Иоанном Павлом II было достигнуто направленное против СССР, Польши и других стран Восточной Европы соглашение о проведении тайной кампании с целью ускорить процесс распада коммунистической системы.

Итак, все началось (цитирую Карла Бернстайна) «в понедельник 7 июня 1982 года в библиотеке Ватикана», где «вели беседу двое — президент США Рональд Рейган и папа римский Иоанн Павел II. Это была их первая встреча, разговор длился 50 минут... львиную... долю встречи заняла тема... — Польша и советское господство в Восточной Европе. Рейган и глава римско-католической церкви пришли к согласию о проведении тайной кампании — с

целью ускорить процесс распада коммунистической империи». (Вот, оказывается, откуда взято расхожее клише в речевом ряде отечественных радикалов!) Вот что говорит Ричард Аллен, занимавший пост советника Рейгана по национальной безопасности: «Это был один из величайших тайных союзов всех времен».

Сердцевиной операции была избрана Польша... И папа римский, и президент США были убеждены: Польшу можно вырвать из орбиты Москвы, если Ватикан и Соединенные Штаты объединят усилия, чтобы сокрушить польское правительство и сохранить жизнь объявленному вне закона движению «Солидарность»...

«Солидарность»... в общем, процветала, пребывая в подполье, поддерживаемая, подпитываемая, и широко консультируемая по капиллярам разветвленной сети, которая была создана под эгидой Рейгана и Иоанна Павла II. По контрабандным каналам в страну были доставлены тонны технического оборудования — факсы, впервые появившиеся в Польше, печатные станки, передатчики, телефонная аппаратура, коротковолновые приемники (не на таких ли работала в августе 91-го «подпольная радиостанция» из т. н. Белого дома?), видеокамеры, ксероксы, телексы, компьютеры. Маршруты определяли церковь, американская агентура... Деньги для запрещенной «Солидарности» поступали из фондов ЦРУ, «Национального фонда демократии» США, с тайных счетов Ватикана...

Лех Валенса и другие лидеры «Солидарности» получали стратегические рекомендации — обычно их передавали ксендзы или представители американских и европейских профсоюзов («независимых» — естественно!)... — и эти стратегические напутствия отражали образ и ход мыслей Ватикана и рейгановской администрации... Информация шла не только через отцов церкви, но и от агентуры в самом польском правительстве».

* * *

Можно было бы обойтись и без столь щедрых цитаций из Бернштейна: в народе еще в процессе событий не было сомнений, что государственный переворот в Польше осуществляли ЦРУ и Ватикан, поскольку все это делалось почти в открытую. В конце концов, полякам самим решать, как им жить и действовать. Но я привлек столь обширные фрагменты, потому что именно в Польше, как на ящике с песком, отрабатывался и апробировался тот тип «перестройки», который впоследствии был успешно реализован и в Восточной Европе, и в бывшем СССР. Один в один, вплоть до подпитывания местных «солидарностей» упомянутым выше техническим оборудованием, валютой, поступавшей из тех же фондов ЦРУ и «Национального фонда демократии», и, конечно же, стратегическими рекомендациями.

Итак, цитирую далее: «В первой половине 1982 года была выработана стратегическая программа. Цели ее выглядели следующим образом: обеспечить крах советской экономики, ослабить контакты и связи Советского Союза с его клиентами по Варшавскому пакту, навязать реформы в рамках советской империи».

Это, так сказать, вводная в замысел в общих чертах. Конкретно же расшифровывалось пять направлений деятельности, в частности: навязать СССР выматывающее соревнование с Америкой в военной сфере (программа «звездные войны»); «тайные операции, нацеленные на подстегивание реформаторских движений в Венгрии, Чехословакии, Польше»; «калибровка финансовой помощи государствам — участникам Варшавского пакта в зависимости от их позиций в деле обеспечения прав человека и степени готовности к политическим преобразованиям, так и реформам по части рыночной экономики»;